

М. А. Киселев

**Влияние политической борьбы среди правящей элиты на назначения в Оренбург
в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII века**

Одним из факторов региональной кадровой политики Российской империи была не только логика бюрократического государства, ведомого идеей «общего блага», а и внутриэлитарные отношения. В данной статье мы рассмотрим проблему влияния столичной политической борьбы на назначения в Оренбург в конце 50-х — начале 60-х гг. XVIII в.

В 1758 г. по делу А. П. Бестужева-Рюмина, в котором была замешана и вел. кн. Екатерина Алексеевна, был арестован герольдмейстер В. Е. Адодуров. По итогам следствия его указом от 5 апреля 1759 г. освободили из-под ареста и отправили «губернаторским товарищем» в Оренбург. Это назначение являлось почетной ссылкой, так что Адодуров старался с помощью своих столичных знакомств добиться отзыва из Оренбурга. Весной 1760 г. он обратился к Ивану Илларионовичу и Роману Илларионовичу Воронцовым с просьбой «о возвращении его ис того места постараться» и узнать, «за болезнью ево не можно ль оттуда свободить». Отметим, что адодуровское письмо доставил сын П. И. Рычкова Андрей, так что Адодуров попросил похлопотать и о нем. В связи с этим Иван Илларионович просил Романа Илларионовича «и для меня господину Рычкову способствовать, ибо мне его отец несколько знаком, а оной Андрей Рычков поручиком, и просил Военную к[оллегию], чтоб ему из Оренбурха в заграничную армию в полках позволено было служить» [17, л. 161]. И если А. П. Рычков получил это назначение, то Адодурову с учетом придворных конъюнктур не приходилось рассчитывать на скорую отставку.

Следует заметить, что в силу особенностей положения Оренбургской губернии ее губернатор по указу от 15 марта 1744 г. должен был «ведать и Киргизской народ и тамошния пограничныя дела». Учитывая особую важность таких дел, они наравне с политическими делами по «слову и делу» решались в Секретной экспедиции Оренбургской губернской канцелярии (ОГК), к работе в которой допускался узкий круг доверенных чиновников, руководимых непосредственно губернатором. После отставки И. И. Неплюева с должности оренбургского губернатора указом от 10 февраля 1758 г. «секретные дела (между которыми разумеются и заграничные)» было предписано до прибытия нового губернатора «исправлять» генерал-майору А. И. Тевкелеву и члену ОГК коллежскому советнику П. И. Рычкову. Согласно мемуарам последнего, он из-за ухудшения здоровья в конце 1758 г., «дабы в таком случае не произошло какого упущения, принужден был моих патронов утруждать прошением об определении в Оренбург настоящего губернатора» [7, с. 338].

Указом от 19 апреля 1759 г. губернатором был назначен тайный советник А. Р. Давыдов. Он прибыл в Оренбург 1 июля, а уже 6 июля, основываясь на предыдущих указах из столицы, которые позволяли Тевкелеву и Рычкову принимать участие в решении «заграничных дел», предписал им «при тех секретных и заграничных делах... присутствовать с ним... обще, и отправлять те дела тем же порядком и формою, как оные донныне ведены были» [2, л. 261—263]. Давыдов явно не знал всех тонкостей местных реалий, и привлечение опытных местных чиновников могло позволить избежать ему ошибок во взаимоотношениях с кочевниками. В итоге тот же Рычков мог со всей справедливостью утверждать, что он, будучи в 1751 г. определенным в качестве члена ОГК «у дел в той Оренбургской губернии», по 1761 г. служил там «как при внутренних, так и заграничных делах губернаторским товарищем» [13, л. 2—2 об.].

Однако в феврале 1760 г. от дел в ОГК фактически отходит А. И. Тевкелев, а в марте — П. И. Рычков, так что «заграничные дела» оказались исключительно в ведении А. Р. Давыдова. Члены ОГК — В. Е. Адодуров и И. А. Коптяжев — привлекались для работы в Секретной экспедиции только по вопросам «слова и дела» [3, л. 120, 162, 254]. В результате уже летом 1761 г. Давыдов написал в столицу, что он, «находясь один при заграничных делах, которые по большей части требуют скорого исполнения, с трудности по оным при частых своих болезнях исправляется». Давыдову — ветерану Северной войны — было уже более 60 лет, так что его жалобы на здоровье могли иметь объективный характер. Так или иначе, губернатор фактически заявил о своей неспособности одному решать «заграничные дела». Утверждая, что «при нынешних киргис-касацкаго народа обстоятельствах тамошния дела требуют достаточного разсуждения и скорого отправления», он просил допустить к этим делам бывших в ОГК «в должности вице-губернаторской статского советника Адодурова или коллежского асессора Коптяжева» [16, л. 6]. Коптяжев еще в начале 1740-х гг., будучи канцеляристом, трудился в канцелярии Оренбургской комиссии под руководством секретаря Рычкова [10, с. 61]. Вскоре он сам стал секретарем ОГК и привлекался И. И. Неплюевым к решению важных дел [1, с. 773, 881]. В 1749 г. ему был пожалован чин коллежского секретаря, а к 1760 г. он был коллежским асессором и членом ОГК, т.е. он должен был приобрести немалый управленческий опыт. Однако указом Коллегии иностранных дел от 9 ноября 1761 г. за подписью М.И. Воронцова было предписано в ОГК «по всем тамошним заграничным делам... присутствовать» Адодурову [16, л. 6—6 об.]. Похоже, что на такое решение столичные знакомства оказали большее влияние, нежели наличие у чиновника знаний местных реалий.

Впрочем, В. Е. Адодуров вскоре после этого указа был отозван назад в столицу. После свержения Петра III Екатерина II вспомнила про него и 1 августа 1762 г. произвела в тайные советники и президенты Мануфактур-коллегии, а также указала выплатить ему жалование, которое он недополучил «чрез все то время, как содержался под арестом безвинно». Накануне этого распоряжения императрица другим указом — от 27 июля 1762 г. — предписала бывшему тайному секретарю Петра III «Дмитрию Волкову быть в Оренбургской губернии вице-губернатором» [19, с. 211—212, 208]. Волков, до этого назначения служивший в основном в столичных учреждениях, практически не имел опыта работы в региональных учреждениях. Конечно, что-то об Оренбурге ему мог рассказать П. И. Рычков, который в 1761 г. встречался в Петербурге с Волковым [13, л. 1]. Кроме того, в письме от 26 мая 1763 г. Г. Ф. Миллеру Рычков написал, что Волков «мне весьма уже давно знаком, а я его всегда считал моим приятелем» [12, с. 72]. Однако едва ли это послужило причиной его отправки в Оренбург. Дело в том, что Волков был одной из персон, работавших над следствием по делу А. П. Бестужева-Рюмина. Получалось, что «безвинно» пострадавший по этому делу В. Е. Адодуров возвращался из почетной ссылки, а на его место в такую же ссылку отправлялся один из бывших следователей. Конечно, Волков, долгое время служивший в Коллегии иностранных дел, мог быть задействован в Оренбурге по вопросам «пограничных дел». Однако в указе о его назначении ничего

не было сказано о том, что он имеет право допуска к таким делам. Не менее показательным и то, что когда в Сенате был поднят вопрос о жаловании Волкову, то «по справке» оказалось, что «в Оренбургской губернии вице-губернаторов не положено» [20, с. 431]. Должность оренбургского вице-губернатора учреждалась сверх штата по повелению монарха, а решающую роль в этом играла логика политического наказания, а не нужды местного управления.

После свержения Петра III Д. В. Волков попытался наладить отношения с фаворитом императрицы Г. Г. Орловым, а через него и с самой Екатериной II. Волков, направляясь к новому месту службы, 23 сентября 1762 г. из Казани отправил ему письмо, посвященное проблемам регионального управления. Письмо заинтересовало Екатерину II, и она повелела обсудить его в Сенате 22 октября 1762 г., а также указала написать Волкову, чтобы он «репортовал о нужных делах, о которых в Сенат пишет; в том же письме требовать от него обстоятельного описания тамошних дел в разсуждении Киргизов и Башкирцов и о том на мое имя прямо писал» [9, с. 169, 171—172]. По получении такого распоряжения Волков 31 января 1763 г. написал императрице, что не может полностью исполнить ее предписания, так как «по учреждению о здешней губернии все важныя дела, то есть иностранныя, пограничныя и военныя, поручены одному губернатору, а мне с прочими членами остаются одни земския и судныя» [14, л. 7 об. — 8]. В другом письме императрице — от 26 мая 1763 г. — Волков заявлял, что по вопросам торговли с «бухарцами и хивинцами», а также отношений с кочевниками «ни губерния, ни таможня, не имея о том никакого указа, не дают мне и доныне прямым образом никакого о том сведения, так что я в сих делах признаваюсь здесь за самага посторонняго человека». И далее он утверждал, что, пребывая в Оренбурге, «увидел, что, с одной стороны, связанныя имею руки какую-либо приносить пользу, а напротив того ежеминутно опасаться надобно, чтоб мерзостными приказными крючками, к нещастию всегда дурным изтолкованием указов покрытыми, не войти в проступок» [11, с. 444, 445].

Конечно, Волков несколько преуменьшал свои реальные возможности. Так, будучи уже оренбургским губернатором, 13 июня 1763 г. Волков написал в доношении в Сенат, что он «еще в бытность здесь недавно отъехавшего губернатора господина Давыдова начал таможню и меновой двор посещать, и что поправления требовало, то поправлять» [15, л. 151—151 об.]. Тем не менее к нему как к приближенному свергнутого императора могли относиться с осторожностью, и Давыдов без прямого указа из столицы не рисковал допускать Волкова к сведениям, которые проходили по ведомству Секретной экспедиции ОГК. В конце концов, П. И. Рычкова и А. И. Тевкелева он допустил к таким делам без прямого указа из столицы, а в случае с В. Е. Адодуровым счел необходимым направить соответствующий запрос. Так что в отношении с Волковым, похоже, имело место именно его неприятие со стороны Давыдова, что и накладывало ограничения на волковские действия.

Положение А. Р. Давыдова к этому времени было неустойчивым, так как он не смог выстроить хороших отношений с ханом Младшего жуза Нуралы и его братьями, которые на него «с самага его туда прибытия возымели неудовольствие... а потом что далее, то более их к нему неудовольствие умножалось, по причине происходящих с ним дел» [4, л. 110 об. — 111]. 11 апреля 1763 г. Коллегия иностранных дел предложила Екатерине II, чтобы Д. В. Волков «имел общее правление с ... Давыдовым по пограничным делам так, как имел в том участие тайн. сов. Адодуров». Екатерина одобрила в целом это предложение [20, с. 509]. Однако уже 13 апреля она писала генералу-прокурору А. И. Глебову, что «в иностранной коллегии многия жалобы доходят с разных сторон на оренбургскаго губернатора Давыдова», и задавала вопрос о том, что «не полезнее ли будет для наружных и внутренних тамошних пограничных мест и дел онаго губернатора сменить» [18, с. 278—279]. Затем 15 апреля Сенату был сообщен ее указ об отставке Давыдова и предписано выбрать кандидатов «для пограничных дел и надобных ныне препоручений в Оренбургскую губернию в губернаторы» и представить их императрице. Список кандидатов был представлен 29 апреля, однако Екатерина II никого из них не выбрала и предписала до назначения в Оренбург нового губернатора «поручить Оренбургскую губернию тамошнему вице-губернатору» [20, с. 375, 393]. При этом еще 26 апреля она написала Волкову: «Старайтесь и впредь о киргиских и башкирских делах, точныя собрав известия, обстоятельно мне представить; и пекитесь о приведении в лутчее состояние тамошней с Хивинцами и Бухарцами коммерции, и о прекращении вкравшихся не порядков». И далее ему было сделано предложение занять место Давыдова. Императрица при этом заявила, что ей «знающий в политических делах человек, в такой отдаленной и пограничной губернии, весьма надобен» [6, с. 490].

Д. В. Волков ответил на предложение императрицы обширным письмом, в котором обозначил основные проблемы, связанные с управлением Оренбургской губернией и исполнением обязанностей ее губернатора. Он жаловался на здоровье и заявлял, что «чем больше чувствую важность сея монаршей... доверенности, тем меньше нахожу в себе способности исполнить ожидание». Однако

Волков все же напрямую не отказался от должности [11, с. 445, 446, 451—452], и уже 13 июня состоялся указ о его назначении губернатором. По утверждению П. И. Рычкова, Волков стал управлять губернией с 6 мая 1763 г. [8, с. 239]. Однако А. Р. Давыдов как губернатор подписал последний протокол по Секретной экспедиции ОГК только 30 мая 1763 г. Как временно исполняющий обязанности губернатора, Волков стал подписывать такие протоколы только с 4 июня, а как губернатор — с 27 июня [5, л. 282—283, 290—290 об.], т.е. он стал управлять губернией с июня 1763 г.

Итак, в силу своего положения Оренбург занимал немаловажное место в имперской политике середины XVIII в. Однако его удаленность от столицы и местная специфика явно не способствовали популярности этого места службы среди представителей правящей элиты. В то же время Оренбург мог рассматриваться и как место для почетной ссылки, что в некоторых случаях способствовало назначению их на руководящие должности Оренбургской губернии.

Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-37 «Институциональные практики в государственном строительстве и социальная интеграция в России XVII — начала XX в.».

Список использованных источников и литературы

1. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань : Типо-литография В. М. Ключникова, 1897. 361 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 50.
3. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 55.
4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 68.
5. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 69.
6. Дмитрий Васильевич Волков. Материалы к биографии. 1718—1785 // Русская старина. 1874. Т. XI. С. 478—496.
7. Жизнь и деятельность П. И. Рычкова. Т. 1. Оренбург : Оренбургское кн. изд-во, 2012. 608 с.
8. История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. IV. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 368 с.
9. Киселев М. А. К истории неформальных отношений среди правящей элиты Российской империи (на материалах переписки Д. В. Волкова 1761—1763 гг.) // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург : АСПУр, 2014. С. 162—183.
10. Матвиевский П. Е., Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков. 1712—1777. М. : Наука, 1991. 272 с.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, ч. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 666 с.
12. Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1867. 184 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 835.
14. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813.
15. РГАДА. Ф. 248. Д. 3452.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1411.
17. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 130.
18. Сборник Русского исторического общества. Т. 7. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1871. 417 с.
19. Сенатский архив. Т. XI. СПб. : Сенатская тип., 1904. 843 с.
20. Сенатский архив. Т. XII. СПб. : Сенатская тип., 1907. 706 с.